

На юго-западе Чайна-тауна в Бангкоке стоит восемнадцатизэтажное ветхое здание. Цвет кирпичей на стенах потускнел, на них налип толстый слой штукатурки, который при малейшем ветре осыпался, словно чёрные снежинки.

Это здание уже три года числилось аварийным, хотя его фактический возраст составлял всего двадцать лет. Но и в Большом Бангкоке встречалась халатность и коррупция. Жадные дельцы строили дома на скорую руку, пока они были новенькими, продавали их за хорошие деньги, а потом исчезали.

Местные жители сначала бунтовали, но потом всё затихло. Ничего не оставалось, как бежать отсюда и сдавать жильё в аренду.

Поскольку здание стояло на самой окраине Чайна-тауна, большинство арендаторов здесь были китайцами. Несмотря на опасность, аренда здесь была примерно вдвое дешевле, чем в других местах, да и вода с электричеством были бесплатными, поэтому жильцов здесь хватало.

Лю Миншэн поселился здесь именно из-за дешевизны. Он был родом с Хайнаня и жил рыбной ловлей. Позже сети, вылавливающие всё подряд, стали широко распространены, из-за чего рыбу в прибрежных водах выловили подчистую. Ему пришлось идти в открытое море, и там он попал в страшную погоду, едва не вернувшись обратно, а лодка была полностью уничтожена.

Лодка стоила немалых денег, в которых он был должен, и теперь, не успев отработать долг, он потерял всё. Это лишило его всю жизнь надежды. Чтобы вернуть деньги, он пошёл на риск, но из-за трусости бросил на полпути. Позже он приехал в этот Чайна-таун в Бангкоке, говоря, что хочет заработать и начать всё сначала, а на самом деле скрываясь от тех, кто требовал долг.

У Лю Миншэна была жена и ещё дочь, вся семья пряталась в этом старом, разваливающемся доме. Жена была честной, простой женщиной из деревни. Хотя она была очень недовольна такой жизнью, не смея жаловаться и даже боясь сказать о разводе, она терпела и следовала за своим мужчиной в чужие края, в сердце у неё была только горечь.

А дочери было всего три года, она была живой, красивой и любящей поговорить. Даже попав в незнакомую обстановку, она ничего не чувствовала, каждый день болтала без умолку и безостановочно хихикала. Кроме того, она очень любила приставать к Лю Миншэну с разными вопросами, и несколько раз она так шумела, что Лю Миншэн хотел её побить.

Но дочь — это тёплая курточка отца, и Лю Миншэн всё-таки не мог на неё сердиться. Каждый день он очень много работал и уставал, но только появлялось свободное время, он возвращался пораньше, играл с дочерью, рассказывал ей сказки, и дочь всегда заливалась громким смехом.

Но с того дня, как подул сильный ветер и кусок штукатурки с крыши упал на человека, дочь изменилась.

Днём было ещё ничего, хотя она и стала не такой живой, как обычно, на лице всегда была улыбка, но как только наступал вечер, особенно перед сном, дочь становилась немного ненормальной.

Она очень боялась темноты, не давала выключать свет, к тому же она время от времени смотрела в одну точку, лицо становилось глуповатым, словно её душу притянули к этому месту.

Сначала Лю Миншэн думал, что дочь увидела кровь, вытекшую из человека, на которого упала стена, и испугалась, но прошёл месяц, выражение лица дочери становилось всё более странным, на нём появился страх, и она всегда говорила какие-то странные слова.

Например, она детским голоском говорила маме:

— Мама, мама, у тебя больше не болит спинка!

Мама отвечала:

— Дорогая, у мамы спинка никогда не болела!

Дочь говорила «О», но не прошло и пяти минут, как снова сказала:

— Мама, мама, у тебя больше не болит спинка.

Мама снова с улыбкой кивнула:

— Да, у мамы спинка не болит.

В этот раз через три минуты дочь опять сказала:

— Мама, мама, у тебя не болит спинка, не болит.

За окном ветер выл, дул на старые, не ремонтировавшиеся года окна, срывал их, игнорируя действия демпферов, и с грохотом ударял о соседнюю стену. Свет в это время тоже сильно померк, и только через три секунды медленно загорелся.

Лю Миншэн с женой невольно сжалились сердцем, они переглянулись и сразу почувствовали, что атмосфера стала очень напряжённой и жуткой. Снаружи ветер по-прежнему выл, жена дрожала телом, попросив Лю Миншэна сначала закрыть окно.

Лю Миншэн смотрел на тени в старой гостиной, в сердце было ещё страшнее, но окно хлопало так, что это было невыносимо, он в конце концов набрался смелости, пробежал, включил свет в гостиной и поспешил закрыть окно.

А в момент, когда он закрывал окно, Лю Миншэн увидел, что в том месте, где внизу отвалилась штукатурка, стоял белый силуэт, силуэт носился, мигом и исчез.

Лю Миншэн перепугался, но подумал, что ему показалось, он поспешил задернуть шторы наглухо, повернул голову и увидел женщину с растрепанными волосами, которая вдруг подбежала и обняла его.

Лю Миншэн издал звук «А», но услышал голос своей жены:

— Ты что случилось?

Лю Миншэн посмотрел, что женщина с растрепанными волосами — это его жена, в сердце всё равно дрогнул:

— Ты, ты не смотришь за Лэлэ, как же ты выбежала!

— Она, она уснула.

— А? Так быстро?

— Да, ты только вышел, она и уснула, я почувствовала, что в комнате что-то не так, и сначала выбежала.

В сердце Лю Миншэна было страшнее, чем у жены, но он всё же набрался храбрости:

— Ничего, не бойся, я здесь, пойдём, обратно спать!

Они вошли в спальню, Лю Миншэн запер дверь спальни, повернул голову и увидел, что его дочь лежит в одеяле, глаза широко открыты, а в глазах всё в красных прожилках.

Дочь сказала:

— Мама, мама, у тебя не болит спинка!

Жена Лю Миншэна уже совсем испугалась, у неё никогда не болела спина, и она никогда не говорила дочери, что у неё болит спина, дочь несколько недель назад была нервной, а эти несколько дней как раз стала такой?

Лю Миншэн осторожно оглядел спальню, его снова передёрнуло. Говорят, что дети легко видят какие-то нечистые вещи, неужели его дочь...

Он не смел думать дальше, но слова сами пошли из его рта, когда он говорил это предложение, голос очень дрожал, он смотрел на свою дочь и спросил её:

— Доченька, сколько человек в нашей комнате?

Жена Лю Миншэна внезапно сильно толкнула Лю Миншэна:

— Ты, ты с ума сошёл, как можно задавать такой вопрос?

Лю Миншэн не обращал внимания на свою жену, продолжая спрашивать:

— Доченька, ну-ка скажи папе, сколько человек в нашей спальне?

Дочь хотя и мала, но очень хорошо умела считать, раньше у моря считала рыбок, числа ниже 50 никогда не ошибалась.

Дочь загибала пальчики и посчитала:

— Раз, два, три, три человека!

Лю Миншэн с женой невольно облегчённо вздохнули, три человека, значит, в этой комнате нет других «людей».

Жена Лю Миншэна прижала к себе дочь, она мягко сказала:

— Хорошая девочка, давай спать, давай спать, завтра же в детский сад надо!

Дочь кивнула, поцеловала маму, но только легла, как снова сказала:

— Мама, у тебя не болит спинка.

— Не болит, не болит, у мамы спинка никогда не болела.

Лю Миншэн внезапно спросил:

— Доченька, в комнате три человека, а кто же они?

Дочь моргала большими, полными воды глазами, указала на маму и сказала:

— Есть мама, есть папа, и есть тётя, которая меняется, когда выключают свет, она всегда просит меня называть её мамой. Она как раз рядом с папой!

— А... — Юнь Шан зевнул и неохотно зашёл в кафе.

Кофейни по всему миру, кажется, одной масти — тусклый свет, ленивая музыка, непонятные книги и тексты повсюду, очень претенциозный стиль.

Юнь Шан особенно ненавидел пить кофе, в основном не нравилась такая атмосфера, особенно та классическая музыка, мистическая и не отличающаяся от воя духов и волчьего воя, а он слушал только современную поп-музыку, музыка, популярная больше года, вызывала у него раздражение при одном звуке.

Авторское примечание:

Новый текст опубликован. Ждите окончания старого текста (старый текст предполагается ещё десять дней до завершения), заодно прошу добавить в закладки на пару дней, потом буду обновлять.

Старый текст провалился довольно плачевно, надеюсь, новый будет лучше, надеюсь, маленькие красавицы смогут его полюбить.

<http://bllate.org/book/16895/1566471>